

К 130-летию со дня рождения Сергея Дурылина

*Посвящается Ирине Алексеевне
Комиссаровой-Дурылиной
и ее сестрам, сохранившим
литературное наследие
Сергея Николаевича Дурылина*

Идея Сергея Дурылина

Няня

Кто нянчил русских гениев

2-е издание

Москва
«Никея»
Редакция «Встреча»
2017

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	10
Владимир Иванович Даль (1801–1872)	15
Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954)	16
Из воспоминаний	16
Из мемуаров «В родном углу»	20
Рожденье. Кормилица	20
Няня Пелагея Сергеевна	33
Пушкин и няня	91
Стихи, письма, воспоминания	91
Иван Сергеевич Аксаков	104
Софья Васильевна Капнист-Скалон (1796–1861)	107
Воспоминания	107
Николай Иванович Пирогов (1810–1881)	109
Няня Катерина Михайловна	109
Николай Петрович Макаров (1810–1890)	115
Мои семидесятилетние воспоминания... ..	115
Мои родители	
и безотрадное младенчество	115
Мое детство, многосторонняя детская	
деятельность и начало обучения.....	117
Александр Иванович Герцен (1812–1870)	122
Из книги «Былое и думы»	122
Моя нянюшка и La grande armee	
(Великая армия [Наполеона])	122
Разговор нянюшек и беседа генералов	124
Петр Васильевич Шумахер (1817–1891)	128
Нянины сказки	128
Яков Петрович Полонский (1819–1898)	130
Старина и мое детство	130
Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879)	137

Мои записки для детей моих, а если можно, и для других	137
Александра Владимировна Щепкина (1824–1917)	142
Воспоминания. В доме и семье Станкевичей	142
Андрей Михайлович Достоевский (1825–1897)	148
Воспоминания	148
Няня Алена Фроловна	148
Кормилицы	154
Федор Михайлович Достоевский (1821–1881)	156
Сбивчивость и неточность спорных пунктов	156
Иван Саввич Никитин (1824–1861)	159
Григорий Николаевич Ге (1830–1911)	161
Воспоминания о Н.Н. Ге	
Из главы «Ге, отец художника»	161
Константин Константинович Случевский (1837–1904)	167
Модест Петрович Мусоргский (1839–1881)	169
Автобиографическая записка	169
«Мусоргский»	170
Из вокального цикла «Детская»	171
С няней	171
Жук	171
Василий Васильевич Верещагин (1842–1904)	173
Пора детства	173
Александр Васильевич Верещагин (1850–1909)	182
Главы из «Дома и на войне»	182
Глава I. Детство. Наша дворян	182
Глава II. Няня Анна Ларивоновна	185
Глава IV. Поездка в Петербург и возвращение в деревню	188
Александра Викторовна Потанина (1843–1893)	192
Биографический очерк	192
Андрей Николаевич Лесков (1866–1953)	197
Жизнь Николая Лескова	197
Из главы 4. Ближние	197

Глава 5. Нянька	198
Николай Петрович Вишняков (1844 — не ранее 1927)	203
Няня Раида Николаевна	203
Семья купцов Алексеевых	212
Няни в семье купцов Алексеевых	212
Об Алексееве Сергее Владимировиче	212
Из воспоминаний	
Зинаиды Сергеевны Соколовой	214
Из воспоминаний Анны Сергеевны Штекер	215
Из воспоминаний	
Владимира Сергеевича Алексеева	220
Константин Сергеевич Станиславский	221
Ольга Осиповна Садовская (1849–1919)	222
Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891)	224
Воспоминания детства	224
I. Первые воспоминания	224
II. Воровка	236
Полина Антипьевна Стрепетова (1850–1903)	256
Минувшие дни. Из воспоминаний актрисы	256
Вера Николаевна Фигнер (1852–1942)	270
Моя няня	271
Письмо В. Фигнер сестрам	
из Шлиссельбургской крепости 9 марта 1904 г.	283
Анна Константиновна Черткова (1859–1927)	285
Воспоминания	285
Предисловие	285
Наша нянюшка	286
Сергей Иванович Танеев (1856–1915)	308
П. Васильев.	
Воспоминания о няне Танеева	308
Гольденвейзер Александр Борисович.	
Из моих воспоминаний	311
Князь Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920)	313
Из прошлого	313

I. Ахтырка и дедушка Петр Иванович	313
II. Лопухины	314
III. Папа и Мама в Ахтырке	315
V. Детская	317
Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941)	324
Из поэмы «Семейная идиллия»	325
Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)	328
Юрий Михайлович Юрьев (1872–1948)	331
Детство	331
Надежда Александровна Смирнова (1873–1951)	337
Воспоминания	337
Татьяна Львовна	
Щепкина-Куперник (1874–1952)	341
Дни моей жизни	341
Первые годы	341
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957)	345
Первые сказки	345
Александр Александрович Блок (1880–1921)	353
М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать	356
Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978)	359
Театральная улица	359
1914	371
Трагическая гибель Дуняши (1917)	373
Мария Петровна фон Бок (Столыпина) (1885–1985) ..	376
Воспоминания о моем отце. 1884–1911	376
Глава 1. 1884–1889	376
Глава 2	379
Глава 3	380
Глава 4	382
Глава 7	383
Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939)	385
Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993)	387
Воспоминания	387
Леонид Андреевич Колгушкин (1897–1972)	389

Воспоминания	389
Князь Сергей Михайлович Голицын (1909–1989)	399
Из книги «Записки уцелевшего»	399
Глава четвертая. Наша семья	
в Бучалках до Германской войны	399
Приложение	407

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

У Сергея Николаевича Дурылина было заветное желание написать книгу о русской няне, «об этой великой матери русского человека только по закону любви, а не по закону родительства», о ее историческом и культурном значении.

В художественных произведениях Дурылина нередко присутствует няня — источник тепла и любви, изливаемых на душу ребенка. «Детским богословием» назовет Дурылин чистую православную веру няни, которую она прививает своему чаду.

«Историй педагогики существует множество, — пишет Дурылин, — в том числе русской педагогики, но все они педагогику видят только в школе, педагогами считают только воспитателей и учителей по профессии, но ни мать, растящая ребенка, ни бабушка, воспитывающая своих внуков, ни няня, охраняющая все детство ребенка, не разлучающаяся с ним ни на минуту, никогда не попадают в историю этих педагогик: они вовсе „не педагоги“. А между тем, в течение тысячелетий именно педагогика матерей, бабушек, нянь и была исторической педагогикой целого народа». Сергей Николаевич утверждал, «что русская няня в религиозном, нравственном, эстетическом развитии русского человека имела несравненно большее значение, чем сотни всяких педагогов, публицистов, просветителей, проповедников и т. д., и что русскую науку и историю можно горько упрекнуть за то, что она не уделила никакого внимания историческому подвигу русской няни, тогда как русская поэзия и художественная литература, в числе немногих положительных

образов, сохранили и возвеличили именно образ русской няни»¹.

Известный философ Н. А. Бердяев поражался, как русская няня «могла вырасти на почве крепостного права»: «...Горячая православная вера, необыкновенная доброта и заботливость, чувство достоинства, возвышавшее ее над положением прислуги и превращавшее ее в члена семьи. Няни в России были совсем особым социальным слоем, выходящим из сложившихся социальных классов. Для многих русских бар няня была единственной близкой связью с народом»².

В богатейшей папкотеке Сергея Николаевича Дурылина хранилась и папка «Няни». Он собрал в нее только малую часть материалов, но подложил список авторов, чьи мемуары хотел бы видеть в будущей книге. Его работа на этом приостановилась. Он сам признавался, что не хватит ни времени, ни сил завершить ее.

В 60-е годы прошлого века, когда я жила в доме Дурылина в Болшеве, Ирина Алексеевна привлекала меня к обработке архива. Передавая мне папку «Няни», она попросила подготовить книгу к печати, а при возможности, издать, и если найду, дополнить ее другими материалами о нянях, которые не успел или не смог из-за поздней их публикации вложить в папку Сергей Николаевич. Теперь я выполняю ее волю.

Сергей Николаевич наметил два варианта построения книги: по времени, на которое пришлось

¹ Дурылин С. Н. Воспоминания о Г. С. Виноградове. РГАЛИ. ф. 2980, оп. 1, е/х 225. л. 53. /// Георгий Семенович Виноградов (1886–1945) — этнограф, доктор филологических наук, профессор Иркутского университета, специалист по детскому фольклору. Друг и корреспондент С. Н. Дурылина.

² Бердяев Н. А. Самопознание. М., 2006.

детство мемуариста, или по выбранной им позже профессии (писателя, поэта, ученого, артиста, общественного деятеля, путешественника, художника, музыканта, педагога). Воспоминания людей всех этих профессий нашли место в настоящем издании. Однако композиция сборника построена по первому варианту. При этом в самое начало книги вынесены мемуары вне хронологии — в них авторы делятся мыслями о самом феномене такого явления, как русская няня. О его влиянии на судьбы нескольких поколений русских людей, о роли няни в воспитании ребенка, о ее огромном значении для русской культуры, прежде всего, XIX века. И, в первую очередь, — это мысли самого Дурылина.

Авторы воспоминаний часто упоминают о том, что пишут не для печати, а для своих детей и близких. Однако со временем они сами или их потомки все-таки публиковали мемуары, справедливо сочтя их важными свидетельствами эпохи, в которую они жили. А для нас это важные свидетельства роли русской няни в истории русской культуры.

Неслучайно рядом с некоторыми именами Дурылин оставил пометки: «Эпоха», «Место действия — имение... город..., деревня»; о влиянии няни: «няня рассказывает жития святых», «няня учит грамоте»... Эпоха — это XIX и начало XX века.

Остальное ясно из текстов. Сергей Николаевич, конечно, сделал бы сборник иначе, и сделал бы блестяще, снабдив каждый мемуар своими мыслями, выводами. Мы же сделали, что могли, и благодарны С. Н. Дурылину за возможность подарить читателям уникальную на сегодняшний день книгу.

Сергей Николаевич выписал из книги И. С. Аксакова (Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886)

слова, которыми, возможно, хотел предварить книгу о русских нянях: «Благодаря им, этим высоко нравственным личностям, возникавшим среди и вопреки безнравственности исторического социального строя, даже в чудовищную область крепостных отношений проступали, порою, кроткие лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условия зависимости и неравенства согревались человечностью, даже окрашивались каким-то мягким, поэтическим колоритом. Николай Афанасьевич¹ вполне напоминает знаменитую няню Пушкина, воспетую и самим поэтом, и Дельвигом, и Языковым. Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности. В их нравственном воздействии на своих питомцев следует, по крайней мере, отчасти, искать объяснения, каким образом в конце прошлого и первой половине нынешнего столетия, в наше оторванное от народа общество, в эту среду, хвастливо отрекавшуюся от русских исторических и духовных преданий, пробивались иногда, неслышно и незаметно, струи чистейшего народного духа. Откуда и чем питалось и поддерживалось в наших, по-видимому, вполне офранцузенных поэтах и деятелях проявлявшееся в них порою истинно Русское чувство и Русская мысль? Да и вообще, кажется нам, история умственного общественного развития в России едва ли может быть вполне понятна без частной истории семей, без оценки той степени участия, по-видимому, неразумного, самовольного, непрошеного, но, тем не менее, часто спасительного, которое в нашей личной и общественной судьбе приходится на долю семьи и быта, непосредственного действия предания и обычая».

¹ Хлопов Н. А. — дядька поэта Ф. Тютчева.

Выражаю благодарность издательству «Никея» за предоставленную возможность издать книгу, выражаю благодарность Марии Анатольевне Голубцовой и Анатолию Ивановичу Торопову за то, что они создали мне обстановку, благоприятную для работы. Искренне благодарю Галину Евгеньевну Померанцеву за моральную поддержку, а также сотрудников Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина: Анну Игоревну Резниченко, Елену Васильевну Рябову, Татьяну Николаевну Александрову — за предоставление материалов, необходимых для проверки текстов, которыми я располагаю, и внесения дополнений.

Владимир Иванович Даль

(1801–1872)

НЯНЯ, нянька, нянюшка. ж. — Женщина, которой поручен надзор за ребенком; иногда вместо Пестун, о мужчине. <...> Встарь, при девицах приставлялась няня до самого замужества и сохраняла почетное звание это навсегда. <...>

*Толковый словарь
живого великорусского языка*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДУРЫЛИН (1886–1954)

Яркий представитель культуры Серебряного века, писатель, поэт, философ, религиозный мыслитель, педагог, историк театра, археолог, этнограф. Родился в семье купца первой гильдии Н. З. Дурылина. Дурылинские описания купеческого быта, языка, строя жизни, сильных народных характеров — одни из лучших в русской прозе.

ИЗ КНИГИ «В СВОЕМ УГЛУ»¹

Из воспоминаний

Самые великие русские богословы были няни. Только их богословие, несомненно, глубоко, целомудренно в слове и утешительно в деле.

Няня ставила меня перед образом — «Семь спящих отроков»² — с всегда горящей, темно-малиновой с белыми пятнышками лампадкой и учила шептать молитву:

¹ Дурылин С. Н. В своем углу. Тетр. VII. № 36. / Сост. и прим. В. Н. Тороповой; предисл. Г. Е. Померанцевой. // М., Молодая гвардия. 2006. — (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21). с. 351, 493.

² Семейная икона Дурылиных «Семь спящих отроков Эфесских», сохраненная Сергеем Николаевичем во всех его путях и перепутьях, находится в Мемориальном доме-музее С. Н. Дурылина в Болшеве.

«Ангел мой хранитель! Сохрани меня и помилуй, дай мне сна и покою и укрепи мои силы».

Этой молитвы нет ни в каких молитвенниках. Ее сложила сама няня, для нас, детей, — сложила тут же, перед иконой. И если б случилось, что я забыл все молитвы, я не забуду этой. Сквозь холод годов, сквозь ложь и муку жизни, сквозь щель бывания протащил я ее, и вот вспоминаю, почти старик. Как все в ней свежо, как просто, как целомудренно-кротко, и сколько любви к тому, для кого она сложена, и сколько прямой веры к Тому, к Кому обращена!

О, милое немудрое богословие няни и мамы! Ты одно неопровержимо. Ты одно целишь и прощаешь.

И падает, падает снег — милые белые мухи детства — над их могилками на Даниловском кладбище, на которые с весны не выбрал времени собраться, но к которым бы приткнулась душа и не отошел бы.

(Нянины именины были 8 октября. Пелагея Сергеевна Мурашова. Умерла в 1908 году, на Пасхе в четверг, 17 апреля.) <...>

Милая белокурая девочка [Таня Бокарева], приятельница черненькой Наташи Кравченко¹. «Лисичка-сестричка и волк». Длинные две беленькие косички, которыми для мальчишек так соблазнительно играть в лошадки, вместо вожжей. Учитя чинно и деловито, как все хорошие девочки. А в глазах — лисичка-сестричка. И русская, русская — хоть в учебник этнографии. И няня у ней отличная, русская, из старого, заслуженного рода русских нянь. Папа, мама, бабушка не учили молитвам: не верят или мало

¹ Бокарева Татьяна Ивановна (1916–2005) — врач, одноклассница Наташи Кравченко. Кравченко Наталья Алексеевна (р. 1916) — художница, дочь художника-графика Алексея Ильича Кравченко (1889–1940). Обе девочки были ученицами С. Н. Дурылина.

верят в Бога (папа только на Светлую заутреню ездит в церковь). А няня научила молитвам. Няня водит в церковь. До Тани она была у Вишневских¹ (артист Художественного театра) и нянчила, и тоже научила и Шушу, и Наташу.

Русской няне должно быть место не только в «Истории русской литературы», но и в истории Русского Православия: то, что няня нашептала в детской, было прочнее того, чему научил батюшка на «Законе Божию» и что начитал профессор богословия в университете. Няня всегда была мудрее Филарета, и ее неписанный катехизис крепче его знаменитого, «рассматриванного»² и «одобренного Святейшим Синодом». Все проходит — проходит и вера, и все снова приходит. И вот, когда после долгих-долгих годов, в которые, казалось, все прошло, что было от «веры», «придет» опять нужда верить, «придет» опять позыв молиться, то никому и никогда не вспомнится тут точное великолепие филаретовой богословской алгебры: «Промысл Божий есть непрестанное действие Силы и Всемогущества Божия, коим Он...» и т.д., а вспомнится вот этот тихий нянин шепот, вспомнится верба в ее сморщенной руке, красное яичко, букетик на Троицу, неграмотная ее «Богородица Дева радуйся...» — и по этой ниточке, самопрядной и бедной, а не по железному канату катехизиса возвращаются к прошлому, к детской вере и молитве. Христос детский — самый ясный и близкий из всех

¹ Вишневский Александр Леонидович (настоящая фамилия Вишневецкий; 1861–1943) — актер, один из создателей Московского Художественного театра, Герой Труда (1933), Заслуженный деятель искусств РСФСР (1933). Его дети: сын — Александр, дочь — Наталья.

² В этом написании слово выправлено Дурылиным в машинописном тексте.

ликов Христовых. Он самый доступный — за плечами, и ничего, ничего Ему не надо, кроме того, что есть у всякого ребенка: кроме нелукавого детского сердца. Он самый неопровержимый: что Ему Ренаны, Штраусы и Дарвины¹. Им нет ходу в детскую. Детская мала, а они велики: что им там делать?

¹ Ренан, Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский философ и писатель, историк религии, семитолог. / Штраус, Давид Фридрих (1808–1874) — немецкий философ, теолог, историк, публицист. / Дарвин, Чарлз Роберт (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, автор теории происхождения видов.

Рождение. Кормилица

Я родился в Москве, «в день, всегда постный», в Воздвижение Животворящего Креста, в самое время, когда у Богоявления, что в Елохове, заблаговестили в большой колокол к поздней обедне, — стало быть, в 9 часов утра. <...>

Я был второй ребенок у моей матери и тринадцатый у моего отца. От первого брака у него было четверо сыновей и семеро дочерей, из которых только старшая, Анастасия, была замужем; все другие жили в доме отца: двое старших сыновей наверху, где были парадные комнаты и спальная отца и матери, остальные — внизу.

Первенцем моей матери от отца был брат мой Коля. В семье было три Николая: отец, Николай Зиновеевич, старший его сын от первой жены, Николай Николаевич, и старший же сын от моей мамы, тоже Николай Николаевич, которому первый Николай Николаевич приходился крестным, а по летам годился бы в отцы.

В год моего рождения отцу было 54 года, матери — 34. <...>

Мама не кормила меня сама. Я думаю, что это не потому так было, что она была больна и ей нельзя было кормить, а потому, что таков был тогда обычай в купеческом и дворянском кругу, поддерживавшийся и врачами. Ни одного из своих сыновей мама не кормила сама. Еще задолго до рождения ребенка припасали кормилицу. И для Коли, и для меня припасала

¹ Сергей Дурылин. Собрание сочинений в 3 т. М., 2014. Т. 1. С. 180-232.

кормилиц бабка, Елена Ивановна Магницкая, которая и принимала нас. Это была сухоощавая, высокая старушка с мягкими и благородными чертами лица, отличающаяся крайней деликатностью и умелою обходительностью. В строгих, темных платьях, в нитяных, каких-то кружевных перчатках на тонких маленьких руках, с тонкой, дорогой шелковой кружевной косынкой на волосах (такую я ее помню), она была вхожа и любима всюду, где принимала. Это была старушка из Тургенева, а не из Островского, как ожидалось бы по ее профессии. Мы ее любили. Любили и ее запах — старой, драгоценной фарфоровой маркизы, настоявшейся в шкапу рядом со старинными духами и эссенциями в граненых флаконах. К нам в дом ездил и ее сын, служивший, кажется, в государственном банке.

Кормилица моя была Прасковья Кононовна. Она была крестьянка Московской губернии, Волоколамского уезда. Выкормив меня, она осталась горничной у сестер. Они звали ее *Rachette* и очень любили ее. Из всех кормилиц, перебивавших у нас в доме, она стяжала себе самую лучшую славу, и не было в доме человека, который не любил бы ее. Она умерла, когда я еще был совсем мал, но память ее во мне сильна: чего недоставало у меня в сосуде памяти, то доливали туда те, кто ее знал, и влили самой благодарной, любящей рукой.

Она была женщина настоящей, великорусской, деревенской красоты: высокая, стройная, с лебединой, но не ленивой, а неторопливо-спокойной походкой, с открытым, светлым лицом, с большими карими глазами под туго и точно вычерченными дугами бровей; как походку ее нельзя было назвать иначе как лебединой, так и брови иначе как соболиными: эти речения из народной поэзии лучше и сочнее

всего выражали ее русскую, в духе этих песен, здоровую, благоволительную красоту. Таков же был и ее характер. С ней всем было легко, ладно и весело. Она была из тех русских женщин, от которых никто не получал другого слова, кроме ласкового, и иного хлеба, кроме мягкого. Меня она выкормила отлично. До полутора лет, до постигшей меня болезни, переломившей мой рост, а может быть, и мою судьбу, я был крепышом, бутузом и, должно быть, так переливалась во мне хорошо кровушка по жилам, что был я сверх того забиякой. У меня нет, конечно, даже и тени воспоминаний от Прасковьи Кононовны как от моей кормилицы, но это полнейшее отсутствие и есть, должно быть, лучшее воспоминание о ней: очевидно, все было у меня с кормилицей так хорошо, так родно и сладко, что нечего было и помнить: ведь в воспоминаниях раннейшего своего детства Л. Н. Толстой, да и С. Т. Аксаков, запомнили, прежде всего, не то, что было хорошо, а то, что было плохо: ощущения тесноты от пеленок и болезни. Ничего этого я не помню, и никто не помнил, — стало быть, я, ребенок, для нее чужой, жил и родился с моей кормилицей, как ее собственный. Чего же большего тут можно хотеть?

Мать и отец уважали и любили ее. Она ладила с няней нашей Пелагеей Сергеевной, уже ходившей тогда за старшим моим братом Колей. По душе она была и осталась частью семьи и прочей прислуги. Очень жалею теперь, что не было снято с нее и со мной фотографии. Я тому виной. С этим связан первый мой бунт в жизни, и о первом же приходится мне горько пожалеть. В то время был обычай снимать кормилиц с выкормышем, и сохранились такие снимки с братьев моих: кормилица стоит в русском народном шелковом сарафане, кисейная рубаха с пышными рукавами,

несколько нитей с цветными бусами на шее, шелковый, расшитый золотом кокошник на голове, ленты от бус и кокошника, скрученные назади в бант. Кормилица держит на руке питомца в платице; ему год-полтора — время наступающей его разлуки с кормилицей. Хотели так же вот снять и меня с кормилицей и с бабушкой — крестной моей, — но я почему-то поднял такой плач по дороге в фотографическое заведение, что пришлось вернуться домой. И вышло так, что ни кормилицу, ни бабушку не привелось уже «снять» после того моего бунта. Они умерли обе, и мама долгие годы спустя пеняла мне иногда, что из-за моего каприза нет у нее карточки любимой матери.

Кормилица моя скоро погибла. Я смутно помню, что ее куда-то увезли больную, а потом мне сказали, что она умерла, и когда мы ездили на Светлой неделе на кладбище, меня приводили к каменному памятнику в виде аналоя с раскрытым на нем Евангелием, я молился за упокой души рабы Божией Параскевы. Потом приезжал из деревни ее брат, Степан Коньч, плотник, коренастый мужик с рыжеватой бородой, тихий, приятный, пахнувший дегтем и чем-то ржаным и холщовым. Он доставал из чистого холщового мешка ржаные круглые лепешки, перечеркнутые какими-то пухлыми квадратами, и подавал мне и брату этот деревенский гостинец. Мы ели лепешки — необыкновенно вкусные, сдобные, крутые, а мужик сказывал мне, что моя молочная сестрица, Сашенька, здорова и мне кланяется. Иногда он привозил и ее самое. Это была деревенская девочка, голубоглазая, русоволосая, курносая, высокая — необыкновенно для меня приятная и немножко загадочная.

Между самой младшей сестрой моей и мною была разница в семь лет, а тут вдруг появлялась у меня

сестра, да еще со странной, какой-то необыкновенной степенью родства: бывают родные, бывают двоюродные, даже троюродная сестра, а тут вдруг — «молочная»! И я очень любил Шуру и заботился о ней, дарил ей игрушки, качался с нею на качелях. Она, впрочем, была года на три — или больше — старше меня. Шуру оставляли у нас гостить. Потом ее увозили опять в деревню, снабдив подарками, ситцем на платье, платками и т.п. Степана так не одаривали подарками для его жены, детей и для него самого. От няни я узнавал: «Папаша опять дал кормилицу брату на корову».

Но я так и не знал, отчего умерла моя кормилица. Улавливал я только — каким-то вторым детским чутьем — рядом с ее именем имя нашего приказчика, жившего в нашем же доме, Ивана Степаныча, — и всегда упоминавший кормилицу хвалил и жалел, а приказчика бранил и осуждал. Дальше я узнал — опять-таки этим вторым слухом, — что у кормилицы родился мальчик, и от этого-то она и умерла. Где мальчик — я не знал.

Второй слух сказал мне правду: бедная моя кормилица увлечена была Иваном Степанычем (это был приказчик с достоинством: чистый, барственный, с холеными усами, щеголевато одетый, вымытый, вычищенный и не первой молодости), понесла, была отвезена в Воспитательный дом, в отделение для рожениц, и там, родив сына, умерла. Мальчик тоже явился не жилец. От мамы — второй мой слух, помнится, уловил даже: «подлый человек» — чистому и пристойному Ивану Степанычу, а горячая моя няня, живая в оценках, нередко смахивала слезу о своей приятельнице-«кормилке» и даже досадовала на нее горькой досадой любви — ненужной казалась всем эта любовь умной, прекрасной, полной нравственных достоинств

женщины к человеку, у которого не было достоинства для должного ответа на нее...

Родство мое «молочное» с Шурой соблюдалось во все время моего детства, перешло и в мое отрочество. Деревня тщательно поддерживала родственную связь, строя на ней в некоторой степени свое хозяйственное благополучие, а город связь эту признавал и не тяготился даже распространительному ее толкованию. Помнится, приезжала к нам как-то и жена моего молочного «дяди» Степана, умная, светлолицая баба с ребенком, и также получала дары от матери и отца.

Это «молочное родство» отошло теперь в область далекого предания, и потому стоит сказать о нем несколько слов.

Обычай зажиточных семей держать кормилиц и отдавать им на выкормление всех детей, когда в этом нет острой, т. е. медицинской нужды, принято резко критиковать, и резче и блистательнее всех нападал на него Л. Н. Толстой, видевший перед глазами пример светской женщины, выкормившей без кормилицы 13 человек детей, — своей жены. Он прав, конечно, мать — естественная кормилица своего ребенка, и нужно радоваться, если это понятно теперь всем. 50–40 лет тому назад было не так. Нельзя тут винить одних дам и купчих, что они, родив детей, приставили их к груди чужой женщины, ради этого лишавшей груди собственного ребенка. Вина, — если нужно непременно кого-то винить, — тут лежит, прежде всего, на врачах-акушерах, внушивших им мысль — будто бы научную — о вреде кормления, а вина этих матерей больше всего в том, что они науке этой верили. Утверждают, что многие женщины достаточного круга не кормили сами, чтоб сберечь свою красоту: фигуры, грудь и пр. Но для этого им, прежде всего, следовало бы не

рожать, а они рожали: во всех кругах — и дворянском, и купеческом, не говоря уже о круге духовенства, — бывали семьи в восемь, десять, в тринадцать человек детей, чего теперь нет вовсе ни у кого ни в городе, ни в деревне. Моя мать родила пятерых детей от старого мужа, никогда никуда не «выезжала», работала, не покладая рук, в хозяйстве, ведя семью в 14 человек детей, не заботилась вовсе ни «о талии», ни «о бюсте» — и, однако, сама не кормила. Здоровьем она не была сильна, но, сколько знаю, тяжело болела лишь после двух родов (мертвый младенец и Вася, живший несколько дней), но страх перед кормлением был и у нее, очевидно, так силен и так поддержан врачами и бабкою, что у нас в доме не переводились кормилицы. То же было и у замужних моих сестер.

Кормилицы были в каждом купеческом доме. Удивляюсь, почему Островский, перебравший по многу раз в своих комедиях всех обитателей купеческого дома, не вывел кормилицы, одной из характернейших фигур этого дома. Кормилице не повезло в литературе, как повезло няне, может быть, потому, что няня была пестуном и постоянным спутником одного, двух, а иногда — редко, но бывало — и трех поколений, а кормилица бывала «прохожей», лишь проходившей через семью и, пройдя, удалявшейся из нее навсегда. Зато прохождение ее было самое тесное, и «молочное родство» — не шутка, а крепкая правда жизни, на которую никто — ни художник, ни историк, ни физиолог общества — не обратили еще должного внимания. Некрасов обмолвился стихами:

И хлеб полей, возделанных рабами,
Идет не впрок, —